

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-54-63

© Н. В. Савельева

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕКСИКОГРАФИИ В «ЦВЕТНИКЕ» ПРОХОРА КОЛОМНЯТИНА

Двуязычные словари-разговорники, встречающиеся в русских средневековых рукописях, важны как отражение исторических реалий и контактов русскоязычного населения с представителями других наций и носителей других языков. К настоящему времени учтено около двадцати памятников лексикографии XV–XVII веков подобного жанра с русскоязычной составляющей, большая часть этих словарей была записана европейскими купцами и путешественниками.¹ Подобные тексты, за редкими исключениями,² создавались единично и окказионально, при конкретных обстоятельствах (путешествие) или для конкретной цели (торговля), а их составители были непосредственными участниками этих событий, преследующими в своих записях языковых эквивалентов вполне прагматичные цели. Потому помещение нескольких разноязычных словарей-разговорников в авторском сборнике («Цветнике») древнерусского книжника инок Прохора Коломнятина — довольно редкий случай в истории русской лексикографии.

«Черный поп» Прохор Коломнятин известен в истории русской литературы прежде всего как замечательный версификатор, составитель «Школьного благочиния» — своего рода стихотворного нравственно-дисциплинарного устава учебного заведения. Этот текст изначально как анонимное сочинение был введен в научный оборот и отчасти опубликован Д. Л. Мордовцевым³ по утраченной ныне рукописи, получившей название «Афанасьевский сборник» по имени владельца преосв. Афанасия (Дроздова). С рукописью до ее пропажи успел поработать также А. Н. Петров, он подготовил подробное описание содержания и продолжил издание текстов сборника, в одном из которых прочитал тайнопись: «Прохор — первостранник»;⁴ прочтение стало первым шагом к определению имени автора сочинений и компиляций, в том числе «Школьного благочиния», находящегося в Афанасьевском сборнике. В настоящее время памятник известен в 10 списках XVII–XIX веков,⁵ по одному из таких списков (РНБ, F.XIV.73) А. С. Демину⁶ удалось распознать искусно зашифрованное в предисловиях,

¹ Перечень этих памятников см., например, в одной из последних работ: *Левичкин А. Н.* Отрывок русско-голландского словаря XVII века из Пскова // *Севернорусские говоры. Межвузовский сб.* СПб., 2017. Вып. 16. С. 196–198; здесь же ссылки на издания текстов и основная библиография по теме.

² См., например, подборку словарей европейских языков в Азбуковнике из собрания В. И. Григоровича: *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском Азбуковнике XVI–XVII веков: Исследования, тексты, комментарии. Л., 1968. С. 60–124.

³ *Мордовцев Д. Л.* О русских школьных книгах XVII века. М., 1862.

⁴ *Петров А. Н.* Об Афанасьевском сборнике XVII в. и заключающихся в нем азбуковниках. СПб., 1896. С. 78–101 (сер. «Памятники древней письменности»; 120. Прил. 4).

⁵ Наиболее полный перечень списков приведен в работе: *Кошелева О. Е.* Как сочинять послания в виршах?: «Уроки» Прохора Коломнятина (1680-е гг.) // *Человек читающий: Между реальностью и текстом источника.* М., 2011. С. 283–316. Текстологическое исследование памятника на сегодняшний день не выполнено.

⁶ *Демин А. С.* Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина // *Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник.* 1975. М., 1976. С. 48–51 (переизд.: *Демин А. С.* О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Илариона до Ломоносова. М., 2003. С. 433–439).

акростихах и репликах «слагателя» сочинения имя не только автора, но и заказчика текста: стихотворный цикл был создан «черным попом Прохором Коломнятином» по прошению «детского учителя Диомида Яковлева» — древнерусского книжника, каллиграфа и, возможно, стихотворца Диомида Яковлева Серкова.⁷

Биографические и культурно-исторические реалии, находящиеся в стихах «Школьного благочиния» и контекстуально связанных с этим сочинением стихотворных и прозаических компиляциях Прохора Коломнятина, позволяли сделать следующие заключения: все имеющиеся до сего дня достоверные сведения о нем относятся к концу 70-х — началу 80-х годов XVII века и связаны с его пребыванием в Москве и Ростово-Ярославских пределах, где, как показала С. А. Семячко, проживал и Диомид Яковлев Серков. К этому времени Прохор около 30 лет иночествовал в некоем монастыре, в котором принял постриг по вкладу. Последнее известное нам место пребывания книжника — Костромской Ипатьевский монастырь, в котором он в 80-е годы XVII века уже в сане иеромонаха создал одну из своих стихотворных компиляций. Инок Прохор Коломнятин, несомненно, обладал какими-то связями с московскими кругами, близкими Печатному двору, и с иными московскими литературными и учительными корпорациями, например с насельниками Андреевского монастыря, в ведении которого находилась до 1678 года подмосковная Марчукова (Морчугова) пустынь⁸ — место создания одного из его двоестрочных текстов. Сочинения и компиляции этого автора свидетельствуют об эрудиции, познаниях в грамматике и лексикографии, способностях к стихотворству, и о его знакомстве с юго-западнорусской литературной и педагогической традициями.

Новые сведения о раннем периоде жизни и о созданных в этот период трудах древнерусского книжника обнаруживаются при изучении сборника 1668 года, который хранится в Отделе рукописей ГИМ (Музейское собр., № 2803). Рукопись в 8^ю написана на 220 листах несколькими вариантами полуустава одной руки, крупного или мелкого, иногда переходящего в скоропись. Сборник, несомненно, создан одним человеком, хотя не все листы рукописи записаны одновременно, о чем свидетельствуют и вариативность почерка, и использование в рукописи разных чернил и бумаги. Заглавие («Цветник») и предпосланное сборнику предисловие, в котором искусно скомпонованы цитаты и реминисценции многочисленных поучений о книжном почитании, свидетельствуют о том, что это целенаправленная авторская подборка текстов. Содержание сборника Муз. 2803 вполне традиционно и в целом сопоставимо с подобными нравственно-учительными и аскетическими монастырскими сборниками XV–XVII веков. Подборки статей раскрывают темы греха и добродетелей, иноческого подвижничества и следования монастырским правилам, статьи посвящены обличению человеческих пороков, особенно предосудительных в монастырском быту, например пьянства. «Цветник» довольно примечателен по набору своих источников. Целый ряд извлечений закономерно восходит к текстам, широко распространенным в рукописных книгах: «Златой цепи», Житию Зосимы и Савватия Соловецких, «Уставу» Нила Сорского и другим памятникам русской и переводной литературы. Вместе с тем составитель сборника Муз. 2803 целенаправленно использовал в своей работе издания московского Печатного двора середины XVII века, к которым давал на полях точные отсылки, вплоть до указания листа издания. В «Цветнике» подобраны выписки из Соборника (1647), Маргарита (1641), Книги о вере (1648), печатного Пролога (1641, 1642–1643, 1659–1660, 1661–1662) и «Паренесиса» Ефрема Сирина (1647, 1652); целиком выписаны статьи «Семь смертных грехов» и «Семь дарований Святаго Духа» из Анфологиона Арсения Грека (1660). К подобным по происхождению источникам следует отнести цикл выписок из «Синтагмы» Матфея Властаря, рукописные списки

⁷ См.: Семячко С. А. Сборник «Крины сельные» в контексте московской культурной жизни рубежа XVII–XVIII вв. // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 459–484. Здесь же приведена основная библиография по теме.

⁸ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 245–247; Румянцева В. С., Борис Даниленко, прот. Андреевский монастырь в Пленницах // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 350.

которой буквально «тиражировались» на московском Печатном дворе в 60–70-е годы XVII века и рассылались по крупнейшим монастырям.⁹ Таким образом, составитель «Цветника» обнаруживает хорошую осведомленность о книгоиздательских процессах и продукции московского Печатного двора этого периода.

Имя собирателя сборника Муз. 2803 обозначено в его собственноручной записи: «Сия книга рекомая Цвѣтникъ чернаго дьякона Прохора Коломнятина. Подписал своею рукою 176-го (1668) году февраля в 7 день» (л. 219). Полное совпадение наименований двух книжников с разницей лишь в последовательной смене монашеского чина писавшего («черный дьякон» — «черный поп») позволяет предположить, что «Цветник» 1668 года собран автором, создавшим впоследствии стихотворный устав «Школьное благочиние». Такое отождествление подтверждается также другими текстами и записями в сборнике, которые свидетельствуют о пребывании составителя «Цветника» в ростовских землях. К ним относится, например, переписанный в рукописи краткий летописец с ростовскими известиями (л. 208 об. — 219), в том числе храмозданной записью о возведении Иваном Грозным в 1566 году церкви Вознесения Господня над гробом св. Исидора Ростовского. Запись была выбита на каменной плите, хранящейся в церкви, по другим письменным источникам она не известна.¹⁰ На нижней крышке переплета сборника Муз. 2803 есть также писцовая помета, в которой упоминается город Переяславль, она дает основание сопоставить создателя «Цветника» 1668 года с еще одним книгописцем, называвшим себя «черным дьяконом Прохором», который подвизался в 1662–1663 годах в Переяславском Троицком Данилове монастыре. Он составил сборник, посвященный св. Даниилу Переяславскому (РГБ, собр. Ундольского, № 301), включив туда Житие с чудесами, Повесть об обретении мощей с чудесами, рассказ об освидетельствовании мощей святого в 1652 году, очевидцем которого, возможно, был сам.¹¹ Он же переработал текст предсмертного Наказания св. Даниила Переяславского братии, акцентировав в нем тему запрета на винопитие в монастыре,¹² и прибавил к циклу повествований о святом автобиографическое Завещание его ученика — св. Герасима Болдинского, единственный известный список этого памятника.¹³ Сопоставление вариантов почерка «черного дьякона Прохора Коломнятина» в «Цветнике» с многочисленными автографами текстов и собственноручными записями «черного дьякона Прохора» в сборнике Унд. 301 подтверждают принадлежность их руке одного книжника.

Таким образом, новые материалы позволяют довольно уверенно сделать заключение о том, что автор «Школьного благочиния», не известный нам по мирскому имени, по-видимому, не позднее 1652 года принял постриг с именем Прохор и что проживал он в 60-е годы XVII века в Переяславском Троицком Данилове монастыре. Состав «Цветника» 1668 года и собственноручные записи инока Прохора Коломнятина в сборнике Унд. 301 дополняют сведения о его книгописных и литературных трудах

⁹ См.: *Белякова Е. В.* К проблеме влияния печатных изданий на рукописную традицию (на примере Кормчей, Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря и сборника Зинар) // 450 лет Апостолу Ивана Федорова: История раннего книгопечатания в России (памятники, источники, традиции изучения). М., 2016. С. 314–318.

¹⁰ *Титов А. А.* Летописец о ростовских архиереях. СПб., 1890. Приложение. С. 18, прим. 1; *Богданов А. П.* Краткий Ростовский летописец конца XVII века // Советские архивы. М., 1981. № 6. С. 33–37.

¹¹ Текст издан: *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М., 1903. С. 130–131, прим.; *Смирнов С. И.* Житие преподобного Даниила Переяславского чудотворца. Повесть об обретении мощей и чудеса его. М., 1908. С. XXXIII, 99; документальную отписку патриарху Никону архимандрита Данилова монастыря Тихона и строителя Никиты об освидетельствовании мощей Даниила Переяславского в 1652 году см.: Акты, собранные Археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. 4. С. 492–493. № 330.

¹² Публикацию текста по этому единственному списку см.: *Смирнов С. И.* Житие преподобного Даниила Переяславского чудотворца. С. XVIII, 77–78; текст распространен за счет тех же проложных источников, которые включены в подборку о пьянстве в «Цветнике» 1668 года.

¹³ Наиболее подробно сведения о черном дьяконе Прохоре и его сборнике изложены в монографии: *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996. С. 68, 342–343.

60-х годов XVII века и о его связях этого периода с московскими книжниками и книжными центрами.

«Цветник» 1668 года выделяется из ряда сходных монастырских рукописных сборников явно выраженной склонностью его составителя к систематизации материалов, избранных из книжных источников, и его особым вниманием к лексикографии. Так, в числе компиляций, составленных им по печатным книгам, можно отметить тематическую подборку цитат из Псалтыри (л. 3–7) и свод «Избрание от книги Евангелия и от старчества», который представляет собой сентенции на евангельские темы, расположенные в алфавитном порядке, от «Аз» до «Омеги», и выписки из патериковых статей Пролога (л. 61–76). О несомненных интересах к языкам и лингвистическим способностям составителя «Цветника» свидетельствуют несколько включенных в рукопись статей, организованных по словарному принципу. Во-первых, это словарь «Толкование о псалтырных словесех» (л. 155–157) — текст был весьма популярен и сохранился в большом числе славянских списков.¹⁴ В сборнике читается словарь с названием «Латинского языка рѣчи» (л. 198–200) — сербский перевод латино-греческого словаря, который приписывается Матфею Властарю и помещается в списках «Синтагмы».¹⁵ Под заглавием «Переводныя рѣчи з греческаго языка на словенский» (л. 146–155) записан небольшой греческо-русский словарь, лексемы в котором приведены кириллицей (древнегреческое слово — славянский перевод) и расположены по тематическим главам, обозначенным и не имеющим заглавия (о небесных телах, о Божестве, «о составе челоуѣчестем», «о родословии», «о чинах», о птицах, рыбах, кухне и др.), заканчивается словарь главой «Счет по гречески». Внутри глав словарика почти всегда сохраняется следование алфавиту, но выборка достаточно краткая, в основном выписаны лексемы на буквы А и П. Вопрос о происхождении и источниках греческого словаря требует специального исследования. С одной стороны, базой для него, несомненно, послужил какой-то список старшего Азбуковника, о чем свидетельствует дословное совпадение целого ряда статей с этим памятником,¹⁶ но словарь в «Цветнике» Прохора Коломнятина содержит гораздо большее число форм, производных от одного корня, чем в списках Азбуковника. С другой стороны, некоторые статьи и подборки тематически, а иногда дословно совпадают с имеющим устное происхождение памятником лексикографии XV века «Речь тонкословия греческого», который был создан русским книжником на Афоне и имел хождение в славянских списках.¹⁷ Но и в этом случае полного совпадения с известными списками «Речи тонкословия» словарь в «Цветнике» 1668 года не имеет, а содержит целый ряд индивидуальных словарных пар, диалогов и индивидуальных чтений в переводах.¹⁸ Таким образом, словарь

¹⁴ Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963. С. 432–433. Здесь и далее мы пользуемся сопоставительными материалами по лексикографии, см.: http://oldlexicons.ru/tolk_o_nerazumnyh_sloveseh; дата обращения: 30.04.2019. Текст в списке Прохора Коломнятина сохранился фрагментарно.

¹⁵ См.: Амфилохий, архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875. С. 103–105; *Kalužniacki E.* Λέξεις Λατινικαὶ in einer älteren bulgarisch-slovenischen Übersetzung // Archiv für Slavische Philologie. Berlin, 1892. Vol. 14. S. 86–88. См. также: http://oldlexicons.ru/latinskije_rechi; дата обращения: 30.04.2019.

¹⁶ См., например: «Прати — мытися или быстро теци» (л. 148); «Архитрикли(н) — начало пиршественным служебнико(м), емуже поручено все строение пира, или тысяцкой брака» (л. 150 об.), ср.: Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 143, 240.

¹⁷ См., например: «Пули се ми — продай мнѣ; Поли не тими ту — много цѣна ему» и др. (л. 153). Текст списков «Речи тонкословия греческого» публиковался неоднократно, ср. те же чтения, например: Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI века. СПб., 1896. С. 23 (сер. «Памятники древней письменности»; 114); <http://oldlexicons.ru/Rechi>; дата обращения: 30.04.2019. См. также одну из последних работ об этом памятнике: Левичкин А. Н. О списках «Речи тонкословия греческого» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. Вып. 2. С. 30–38; здесь же основная библиография по теме.

¹⁸ См., например: «плюдия — дождь» (л. 146 об.); ср.: «врехи — дождь» (врḗχει) в «Речи тонкословия греческого» (Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 3; см.: <http://oldlexicons.ru/node/948>; дата обращения: 30.04.2019).

представляет собой особый памятник, который сочетает элементы книжного и разговорного греческого языка, но составлен он, по-видимому, по рукописным источникам. Любопытно, что во многих записях как греческого, так и славянского вариантов слов отразилось ярко выраженное «аканье»: «лакти» (вм. «локти» (л. 150)), «пала мартон» (вм. «поли имартон» — «много согреших» (л. 147 об. — 148)) и т. д.

Особую ценность для истории русской лексикографии имеют включенные в «Цветник» инока Прохора Коломнятина словари-разговорники, записанные со слов носителей языков, на слух, и отражающие, таким образом, живую речь XVII века. Здесь находятся карело-русский словарь (л. 177–185 об.), небольшой разговорник коми-зырянского языка (л. 185 об. — 188 об.) и тюркско-русский словарь, самый значительный по объему и содержанию (л. 77–134 об.).¹⁹ Ни один из них не зафиксирован в других рукописях. Известные до сих пор записи лексики этих языков, сделанные до конца XVII века, единичны и кратки. Карельская лексика до сих пор была представлена записями заговоров на берестяных грамотах и в рукописи 2-й четверти XVII века,²⁰ а также кратким словариком 1668 года, записанным на Соловках, согласно атрибуции О. В. Панченко, святогорским архимандритом Феофаном.²¹ Сохранившиеся источники по коми-зырянскому языку также ограничиваются несколькими краткими записями названий месяцев в Церковном Уставе 1608 года (РГБ, Румянцевское собр., № 449). Остальные материалы относятся к более позднему периоду и представляют собой либо записи иностранных путешественников, либо плоды трудов представителей русской академической науки.²² Ученные до сих пор кириллические записи тюркских и татарских слов также единичны. К ним можно отнести соответствующие пассажи в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина,²³ небольшой кириллический разговорник «Се татарскы язык» и словарик «Толкование языка половецкого», генетически связанный с предыдущим текстом;²⁴ здесь же стоит упомянуть приведенные в «Хождении» купца Федота Котова турецкие, персидские и арабские числительные и алфавит;²⁵ отдельные тюркизмы, встречающиеся в ряде памятников древнерусской литературы, вошли в состав азбучников. Таким образом, ни один из вновь найденных словарей-разговорников не имеет на сегодняшний день кириллических аналогов, близких по лексическому ряду, хронологии, жанру и объему текста.

Все словари записаны по тематическому принципу и оформлены в рукописи одинаково, так же как и греческий, и латинский разговорники. Названия текста и обозначения глав выписаны киноварью, киноварю выделены первые буквы словарных статей (соответственно, первая буква иноязычного слова) и обведены буквы «т» («толк») перед русским переводом этого слова; тюркскому и карельскому словарям предпослано оглавление, написанное крупным полууставом.

Карельский свод имеет заглавие: «Сказание о преведении корѣльскаго речения на слове(н)ский». Особенности карельской лексики позволяют отнести ее к тверскому диалекту, таким образом, словарик отражает язык тверских карел, населивших Поволжье в результате миграционных процессов, особенно мощных в 1640–1660-е го-

¹⁹ Сердечно благодарю И. Н. Воевуцкого, С. А. Мызникова, Р. В. Гайдамашко за консультации по особенностям языка вновь найденных словарей.

²⁰ Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подг. текстов, статьи и комм. А. Л. Топоркова. М., 2010. С. 46–54, 102–110, 286–310.

²¹ *Мещерский Н. А.* Русско-карельские словарные записи XVII — начала XVIII в. // Прибалтийско-финское языкознание. М.; Л., 1961. Т. 23: К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. С. 16–32; *Муллонен И. И., Панченко О. В.* Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск, 2013.

²² Современный Коми язык. Лексикология / Ред. А. И. Туркин. М., 1985. С. 174–205.

²³ «Хождение за три моря» Афанасия Никитина / Подг. текста М. Д. Каган-Тарковской и Я. С. Лурье; пер. Л. С. Семенова; комм. Я. С. Лурье и Л. С. Семенова // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1999. Т. 7. С. 348–379, 544–549.

²⁴ *Симони П. К.* Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV–XVII столетий. М., 1908. С. 5–14.

²⁵ Хождение купца Федота Котова в Персию / Подг. И. А. Кузнецовой. М., 1958. С. 59.

ды.²⁶ Словарные статьи (ок. 600 лексем) собраны в двадцать глав: небесные тела и погодные явления, времена года и дни недели, части человеческого тела, одежда, дом и дворовое строение, кухонная утварь и пища, родственные отношения, животные и растения, рыбы, птицы, скот, полевые работы и рабочие инструменты, лексика, связанная с церковным строением и обрядом, воинская лексика, кузнечное и мельничное дело. Внутри каждой главы слова записаны не в алфавитном порядке, произвольно. Подавляющая часть лексики карельского словаря — это имена существительные, лишь иногда вписаны соответствующие контексту глаголы или небольшие словосочетания (например, в главе об одежде: «Паваты палышо — (т) оденись», «Кэни йлькашъ — (т) обуйса» (л. 179 об.); в главе о дворовом строении: «Кэльла ламъпиа — (т) кълъа топитца», «Ова овь — (т) дверь о(т)ворь» (л. 180 об.)). Основные глаголы общения и движения собраны в отдельной главе «Сказанье о нужных(х) рѣчех», здесь же приведено несколько фраз, подразумевающих употребление в определенной коммуникативной ситуации: «Магатыко пайса карьалашъкй — (т) говорить по корѣльски умѣеш ли», «Кушь шолить — (т) гдѣ бы(л)» (л. 184) и т. д. Довольно много понятий обозначены в словаре как общие для карел и русских, они помечаются словом «заедино»: «Огурцы, дыни, свѣкла, ре(т)ка, чеснокъ заедино» (л. 180). «Съни и крыльцо заедино» (л. 181), «Ночвы заедино» (л. 185) и т. д. Очевидно, общеупотребительная лексика отражает процесс ассимиляции карельских поселенцев с русскими жителями. Завершается карельский словарь указанием еще на два языка (ижорский и чухонский), на которых говорят в той же местности: «Жерскай языкъ в той (же) полестинѣ. Чуханъскай в той же полестинѣ».²⁷

Непосредственно к карельскому разговорнику примыкает в рукописи коми-зырянский словарь, озаглавленный «Звательные рѣчи зырянского языка, сирѣчь сирскаго» (л. 185 об.). Тот факт, что словарь специально не выделяется и не имеет, например, оглавления, по-видимому, говорит об осознании его составителем принадлежности коми-зырянского языка к той же группе языков и о возможном бытовании двух этих языков в одном регионе (Поволжье). По предварительному заключению Р. В. Гайдамашко, лексика словаря относится к ареалу междуречья Камы, Вычегды и Юга. Словарик небольшой по объему, половину его занимает подробно расписанный денежный счет, от деньги до тысячи рублей (л. 185 об. — 187 об.). Далее приводится лексика, записанная без рубрикации примерно по тем же тематическим группам, что и в карельском словаре: родственные связи, воинская лексика, кухонная утварь и пища, домашний скот, одежда, птицы и звери, домовое строение. В словаре включены почти исключительно существительные, лишь несколько глаголов («Сеть — (т) подай», «Кольи — (т) проводи», «Локъ ме канъ — (т) пойди со мною» (л. 188)). Завершается словарь записью перевода на коми-зырянский язык молитвы «Трисвятое»: «По зырянски „Святый Боже“ — „Вѣжъ юмо, вѣжъ кѹтомо, вѣжа чарыдо, кутыштыте мѣано“» (л. 188 об.).

Самый большой по объему текст в «Цветнике» инока Прохора Коломнятина — тюркский словарный свод, озаглавленный «Сі'а книга 'Эли(х)въ сирѣчь Алоави(т), преведенъ с турскаго на словенскую ре(ч)» (л. 80). Язык словаря можно предварительно обозначить как средний диалект крымско-татарского литературного языка периода османского влияния. Лексический материал изложен в 33 главах: сначала следуют разделы духовно-религиозной тематики, затем лексика, обозначающая части тела человека, названия родственных отношений, одежда, дом и дворовое строение, кухонная утварь и пища, животные и растения, рыбы, птицы, скот, разного рода работы и рабочие инструменты; завершается свод названиями цифр. Все эти разделы тематически совпадают с карельским и зырянским разговорниками, но все они гораздо

²⁶ Косвенным подтверждением локализации лексики карельского словаря может служить запись XIX века (л. 219) о бытовании сборника в Весьегонском уезде Тверской губернии — это один из центров расселения тверских карел.

²⁷ Ср. сходное использование слова в переносном значении: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С. 132.

пространнее. Словарь включает не только отдельные лексемы, но также словосочетания и пространные фразы, диалоги. Многие слова, как существительные, так и глаголы, приведены с парадигмами, указываются, как правило, несколько словоформ, например: «Куньмаѣ — (т) ночевать. Куньдѹ — (т) ночевáли» (л. 86 об.), или выстраиваются семантические ряды: «Яѣть 'юхлѣ — (т) ля(ж) да спѣи. 'Юхламаѣ 'ятты — (т) спа(т)лѣхъ. 'Юхлѣрма — (т) спи(т)ли. 'Юхлѣръ — (т) спи(т). 'Уялдѣма — (т) проснѹлса ли. 'Уялдѣ — (т) проснѹлса. 'Уяль — (т) ро(з)будѣ» (л. 94 об.).

Тюркский свод по своей жанровой природе выходит за рамки традиционного словаря-разговорника, хотя именно лексический ряд служит основой и связующим элементом всех его статей.²⁸ Иногда, особенно при назывании зверей, птиц или растений, в словаре дается не перевод, а описание этих понятий, что роднит словарь с Азбуковником, например: «Чегалѣ — птица пегѣ з гѹса, кричи(т) пре(д) погѣдоу челоуеческимъ і млáденычески(м) глѣсомъ, і конѣмъ рже(т)» (л. 107–107 об.). Словарь включает в себя целый ряд этнографических, исторических и топонимических статей, топографическое и географическое описания Крыма, сведения о турецких завоеваниях и территориях, апокрифы. Все эти тексты имеют устное происхождение и лишь отчасти записаны на основании собственного опыта лексикографа. Так, например, в конце свода он помещает отдельную главу «Сказáніе 'о пути ко 'Геросали́му і 'о со(з)дані'и церкви» (гл. 30, л. 126), но по сути никакого отношения к жанру хождений этот текст не имеет; судя по всему, автор не выезжал за пределы Крыма. Глава состоит из пересказа апокрифа о крестном древе и рассказа о схождении благодатного огня. Оба текста записаны со слов очевидцев, отмечены чертами восточной культуры и содержат детали, не встречающиеся в книжных памятниках, в том числе в паломнической литературе, например об омывании лица воском от свечей, зажженных от благодатного огня.²⁹

Как правило, к устным источникам в словаре даются отсылки, например: «Повѣдую(т) ѹбо тѹрки і татáрове, ко'еѣ рáди винѣ ко(н)скѣа мясѣ 'ядáтъ» (л. 92). О том, что словарь записан непосредственно в месте событий, свидетельствуют ссылки на информантов разных этнических и религиозных групп, населявших Крым в середине XVII века. Первоначальные записи устных рассказов отредактированы автором в соответствии с хорошо знакомой ему славянской книжной традицией повествований о чудесах и явлениях икон. Там же, где описывается увиденное непосредственно автором, повествование ведется подробно и детально, но отвлеченно, без каких-либо упоминаний о личной судьбе писавшего. Таким образом, «Книга Элихв» представляет собой особый лексикографический жанр, переходный между словарем-разговорником и энциклопедическим тезаурусом, Азбуковником.

Особенности лексического ряда и сюжеты записанных рассказов позволяют в какой-то степени воссоздать историю происхождения словарного свода. Весь материал текста в совокупности отражает специфику историко-политической и религиозной ситуации в Крыму в середине XVII века, когда Крым находился под контролем Османской империи и представлял собой средоточие нескольких народностей и вероисповеданий. Рассказы о религиозных отправлениях верующих разных конфессий, описание обычаев разных этнических групп населения Крыма, описание местной флоры и фауны, рассказы о топонимах и связанных с ними легендах, большое число бытовой, вплоть до сниженной натуралистической лексики, свидетельствуют о том, что записи велись непосредственно в Крыму, причем, судя по особенностям фонетического воспроизведения лексики, записи были сделаны славянином, не знающим языка.³⁰

²⁸ В этом отношении словарный свод вполне соответствует традициям русской средневековой лексикографии с присущим ей синкретизмом, см., например: *Ковтун Л. С.* 1) Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975. С. 209, 260; 2) Азбуковники XVI–XVII вв. С. 17–18.

²⁹ Сердечно благодарю И. В. Федорову за консультации по паломнической литературе и истории древнерусских хождений в Святую Землю.

³⁰ Те же признаки фонетической записи иностранного языка характерны и для карельского и зырянского словарей.

Словарь содержит много слов, связанных с военным делом («'Яньчерй — (т) стрѣльць. Топчѣй — (т) пушкаръ. Тухъ оѣкъ — (т) пищаль. Клышь — (т) сабла» (л. 101) и т. д.) и военным бытом («Аскіръ газірь ітуро — (т) войско готово стои(т). Кáč мйнь — (т) скóлко тýсащъ. Кýркъ ми(н) — (т) 40000 <...> Тушты 'альды — (т) в полонъ вzáли <...> Куньма ѡ замáнь булѣдý — (т) ночева(т) порá стáвитца» (л. 101 об. — 102) и т. д.). К некоторым словам, обозначающим воинские и верховные чины, иногда приводится название на турецком, татарском и азовском наречиях: «С'яўшь — (т) голова стрелѣцкой. По 'азóвски Щербачѣй — (т) голова стрелѣцкой. Затѣчѣй — (т) голова стрелѣцкой» (л. 101). Все это свидетельствует о том, что создатель словаря хорошо знал военное дело и имел к нему непосредственное отношение.³¹ Автор записей, судя по всему, был крымским полоняником, этой теме почти целиком посвящена глава 20 «Сказáнiе 'о вóпрóсны(х) рѣчехъ»: «Кайде 'уренды сюлеме ѡ — (т) гдѣ на'учил-са говори(т). Турктѣ туснáкъ сатыпъ 'алгáнь — (т) íс тýрскiа страны полонаникъ выкупленъ» <...> «Зындандá копъ 'отурдымъ сень — (т) в тюрьмѣ много ли сидѣлъ ты» (л. 114 об.) и т. д. Судя по обстоятельствам плена, автор обладал довольно высоким статусом, имел какой-то офицерский чин, по-видимому, был из разряда воинов служилых по отечеству, проходивших службу где-то на южных рубежах Московии. По данным В. Д. Жукова, это был один из самых распространенных путей попадания в плен, и именно эта социальная группа пленников являлась одной из наиболее многочисленных и составляла значительную часть выкупаемых полоняников по наиболее высокой цене.³² В плену автор находился в довольно сносных условиях, занимался знакомым ему канцелярским делом, на это указывает перечисление канцелярских принадлежностей среди орудий труда: «Саўтъ — (т) чернильница. Мурюкѣпъ — (т) черныло. Калѣмъ — (т) перо. Кагáтъ — (т) бумага. Ёпракъ — (т) листь» (л. 112) и т. д. Возможно, он был воспитателем при дворе высокопоставленного лица и мог наблюдать за повседневной придворной жизнью и бытом, чему посвящена глава 19 «Сказáнiе 'о всáки(х) игрáхъ»: «Масáль сюлеме 'абилирма — (т) скáски казáть 'умѣешь ли. 'Юрлá чѣкъ — (т) пѣсни пóй. Кобызъ тартáръ — (т) огудокъ íграе(т). Тулúпъ — (т) волынка. Сантырь — (т) цынбалы. Сантрачъ — (т) ша(х)маты» (л. 113) и т. д.³³ Судя по включенным в текст сведениям о местах проживания в Крыму русских послов, эта тема ему также не была чужда.

Он наблюдал и мог сравнивать религиозные обряды разных вероисповеданий. Автор рассказывает о мусульманском обряде и основных мусульманских молитвах, приводит описание мечети, паломников-мусульман; отдельная глава посвящена обряду обрезания. Параллельно описывается религия армян, ее отличия от православной, службы, посты, армянские храмы; здесь же упоминаются экстаические молитвы дервишей и т. д. Сам автор оставался христианином и имел возможность участвовать в христианском богослужении: он постоянно ведет внутренний диалог с иными конфессиями и утверждает свою позицию о непреложности православного учения: «'I протіву сегó нашъ хри(с)тiянскiй о(т)вѣ(т)» (л. 88); «Еўрь гáкъ дióртъ китáпъ — (т) кре(с)тъя(н)скiа сáмыа ѣстинныя кнiги» (л. 119 об.) и т. д.³⁴

Таким образом, текст был записан русским пленником в Крыму около 40-х — начала 50-х годов XVII века, отредактирован и собран в свод, дошедший до нас в автографе черного дьякона Прохора Коломнятина. Характер и достоинства текста позволяют

³¹ Отметим, что лексика, связанная с военным делом, включена и в карельский словарь, и даже в небольшой коми-зырянский словарь.

³² Жуков В. Д. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х гг. XVII в.: к истории колонизации Южной окраины Московского государства // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер. История России. 2012. № 4. С. 32–44.

³³ О положении русских пленных в Крыму см., например: Бережков М. Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса, 1888. С. 17–23; Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017. С. 72–80.

³⁴ О ситуации в Крыму, способствовавшей сохранению конфессионального статуса полоняников-христиан, см., например: Лавров А. С. Военный плен и рабство на границах Османской империи и Российского государства в XVII — начале XVIII века // ГИИМ. Доклады по истории 18 века / DHI Moskau: Vortrage zum 18. Jahrhundert. 2010. № 5. С. 8.

судить о достаточном образовании, эрудиции и определенных литературных навыках автора. Замечательно, что сложившийся образ пленника, создавшего этот свод, типологически близок автору записок о пребывании в турецком плену в 70–80-е годы XVII века.³⁵ Между двумя текстами много сходного именно потому, что это записки очевидцев и участников событий, но эти памятники различаются жанром. Главной задачей нашего автора, несомненно обладавшего лингвистическими способностями, было не просто описание жизни в Крыму, но создание словаря живого языка той местности, в которой он находился.

Учитывая все ранее отмеченные реалии биографии и творчества инока Прохора Коломнятина, можно с большой долей вероятности назвать его автором тюркского словарного свода. Дополнительным аргументом служит текст включенных в «Цветник» 1668 года поздравительных виршей на день св. Василия Великого, которые, судя по почерку и чернилам, были написаны им ранее основного корпуса сборника. Этот праздник отдельной строкой прописан в словаре: «Бѣѣѣѣ баѣрамъ баѣгѣѣѣ — (т) Великій прѣзникъ, глава гѣду. Сѣѣ реку(т) Васѣлѣѣ Великаго де(н), понѣже ѣи го(д) начина ѣѣѣ сѣ сѣгѣ днѣ» (л. 116). Поздравительные вирши обращены к светскому лицу, военачальнику, тезоименитому св. Василию Великому:

...Вси бо благородіе твое призывают...
Желають принести тебѣ себе Богу
Во еже бы смирил враг у твоею ногу.
Он да бы дал много лѣта здѣ продолжати
И весело побѣдныя пѣсни воспѣвати.

В поздравлении читается акrostих: «ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧ, ЗДРАВСТВУЙ ВО ВЕК». Конечно, этих данных не достаточно, чтобы определенно назвать имя адресата, но им мог быть, например, Василий Петрович Львов — окольничий, стольник, воевода, который в 40-х годах XVII века служил на западных и южных границах Московского государства.³⁶

Особенности неизвестных ранее лексикографических статей в «Цветнике» 1668 года, их единообразие в наборе лексики и оформлении свидетельствуют о принадлежности их одному составителю. Подобные тематические разговорники были широко распространены в Европе к середине XVII века и использовались в качестве пособий для обучения языкам.³⁷ Могли ли словари инока Прохора Коломнятина применяться для обучения иноземцев русскому языку или русских — иностранному? Учитывая его педагогический статус и авторитет в 70–80-е годы XVII века, можно было бы допустить такое использование для карельского и зырянского разговорников, которые записывались, по-видимому, уже в Ростовских землях, но все же связывать напрямую создание этих словарей с учебным процессом у нас нет никаких оснований. Тем более невозможно видеть учебное пособие в тюркском словарном своде, точно так же, как нет причин связывать возникновение текста с гильдией переводчиков и толмачей восточных языков Посольского приказа этого периода.³⁸ Вряд ли можно усмотреть в словар-

³⁵ Сырку П. А. Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века // Православный Палестинский сборник. СПб., 1890. Т. 30. С. I–III, 1–54.

³⁶ Корсаков В. Львов Василий Петрович // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. [10]. С. 771–772.

³⁷ Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском Азбуковнике... С. 46–60.

³⁸ По данным А. В. Белякова за период 1645–1682 годов в Посольском приказе учтено 24 переводчика с восточных языков, из которых только два имели не татарское происхождение; остальные были бывшими служилыми татарами и мурзами. Сходная ситуация наблюдается и среди толмачей, даже с допущением того, что иногда в толмачи верстались бывшие полоняники из городовых дворян и детей боярских за «долгое полонное терпение». Некоторые из них, будучи уже в почтенном возрасте, принимали постриг и вскоре умирали вследствие надорванного в плену здоровья. Никаких сведений о специальном обучении языкам в стенах Посольского приказа в Москве не имеется, см.: Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. С. 100–101, 144–146.

ных записях Прохора Коломнятина и элементы зарождающейся барочной «*Kuriositätenkultur*» — своеобразного культа редкостей, выражавшегося в собирании и отчасти использовании в салонной культуре экзотических языков,³⁹ слишком реалистичный, практичный, прагматичный словарь-тезаурус, созданный им, менее всего отвечал задачам умозрительной эстетики, да и обстоятельства вряд ли к тому располагали. Скорее типологически словарные записи русского лексикографа, известного нам только по иноческому имени, близки словарям путешественников в Московию Ричарда Джемса (1618–1619)⁴⁰ и Тенниса Фенне (1607).⁴¹ Как и они, иннокентий Прохор Коломнятин руководствовался не только прагматической задачей — освоиться в чуждом для него мире, но и интересом к жизни в ее необычных для него проявлениях.

³⁹ Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском Азбуковнике... С. 48.

⁴⁰ Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959.

⁴¹ Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Copenhagen, 1961. Vol. 1: Facsimile Copy; 1970. Vol. 2: Transliteration and Translation / Ed. by L. L. Hamerich, R. Jakobson; 1985. Vol. 3: Russian-Low German Glossary / Ed. by A. H. van den Baar; 1986. Vol. 4: Mittel-niederdeutsch-neuhochdeutsch Wörterbuch zum Russischniederdeutschen Gesprächsbuch / Ed. by H. J. Gerneetz; Hendriks P., Schaeken J. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607: An Electronic Text Edition (<http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf>; дата обращения: 30.04.2019).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-63-73

© А. С. Бодрова

ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА А. С. ШИШКОВА И ИСТОРИЯ ПУШКИНСКИХ ИЗДАНИЙ 1825–1826 ГОДОВ*

Непродолжительная, но активная деятельность адмирала Шишкова в должности министра народного просвещения, которую он занимал с 15 мая 1824-го по 23 апреля 1828 года, до сих пор остается недостаточно отрефлексированной исследователями. Больше внимание уделялось предшествующим эпизодам его институционализированного и внеинституционального участия в литературной и культурной жизни. Между тем особый интерес этого периода несомненен не только в силу очевидного административного влияния Шишкова на политику в области печати и цензуры. Не менее важную роль играла и непосредственная принадлежность нового министра к литературному полю, его вовлеченность в культурную жизнь и авторитет «старейшины литературы нашей»,¹ который в середине 1820-х годов признавали даже убежденные противники его «архаистских» и «славенофильских» взглядов. Ни до, ни после Шишкова во главе Министерства народного просвещения не было сопоставимой или более крупной литературной фигуры, и эта своего рода «двойная идентичность»² Шишкова во многом определяла как восприятие его министерской политики

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-20003 «Государство и институты литературы: от реформ Петра I до „Великих реформ“».

¹ Как назвал Шишкова П. А. Вяземский в письме к Пушкину от 6 ноября 1824 года. См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1837–1937: В 16 т. М., 1937. Т. 13. С. 117. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи сокращенно, с указанием в скобках номера тома и страницы.

² Определение, предложенное А. Л. Зориным для описания самоощущения и самопозиционирования дворян-литераторов, так или иначе совмещавших собственно литературные занятия и служебно-чиновничью карьеру: Зорин А. Л. Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьева // Новое литературное обозрение. 2011. № 110 (4). С. 188–201; ср. также: Велижев М. Б. «Сенатор» vs. «Поэт»: (авто)биографическая мифология и литературная репутация И. И. Дмитриева // Autobiografija: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2016. Т. 5. С. 117–150.